

Веселова И. С. Рассказы о штанах и сами штаны [1]

«По дороге я шел, две дороги нашел, по обеим пошел»

(штаны)

Штаны-брюки-портки в русской традиционной культуре считались сугубо мужским атрибутом, о чем свидетельствуют, в частности, данные Картотеки Псковского областного словаря [2]: «Штанов женщина ни одна не носила, я только в городе сшила штаны себе», 1999; «Вот я вам скажу, что ваши головы мне очень уж нравятся, гладенькие и не лохматенькие, хоть у вас и портки одеты (реплика девушкам)», 1968. Неписанный кодекс мужской чести позволяет пропить и проиграть последнюю рубашку, что можно расценить даже как предмет для молодеческой гордости, но никак недопустим позор остаться без штанов.

Поводом для того, чтобы обратить внимание на эту существенную часть мужского гардероба, стали для меня данные автобиографических документов, собранных в 2002 – 2003 гг. в рамках проекта «Музей биографий. Русская провинция. XX век» в Белозерском и Вашкинском р-нах Вологодской обл.[3]

Среди собранных материалов (цифровых копий семейных фотоархивов, дневников, мемуаров, газетных статей, государственных грамот, образцов рукоделия) примерно треть составляли объемные биографические тексты «о пройденном жизненном пути», авторами которых были мужчины. Речь в них шла в основном о крупномасштабных эпопеях. В этих исторических полотнах почти не было личного, по терминологии Э.Бенвениста, плана, только план истории. Персонажи двигались в повествовании по занятым и оставленным пунктам, высотам, по раскрытым уголовным делам, по выполненным директивам партсовещаний, полученным грамотам и т.д. Человеческие эмоции проявлялись только на фоне незатейливых нужд. Личные воспоминания наиболее четко фокусировались на вполне конкретных атрибутах, в частности: «Особенно запомнился случай со штанами из мешка». Из десятка монологических мужских жизнеописаний в четырех обнаружилось рассказы «о первых штанах». Нет никаких оснований сомневаться в том, что эти «личные» истории конкретных людей достоверны по причине их повторяемости. Вопрос заключается в том, почему эти сугубо «личные» рассказы так похожи? Какие ментальные, поведенческие, экономические предпосылки и стереотипы сформировали матрицу этого повествования?

Общеизвестно, что штаны в русской традиционной культуре мальчикам одевали не с самого рождения. В младенчестве детей пеленали и одевали, не маркируя одеждой их пол. Данные картотеки Псковского областного словаря говорят о том, что еще в 80-е гг. XX века пожилые женщины, бабушки, негативно относились к моде на младенческие «поршонки» (ползунки). Информанты того же словаря сообщают: «Когда я мал был, паршонки шили со своего холста, а то и без порток ходили до семи годов» 1966; «Лет до десяти порток не было» 1961. Корреспондент Тенишевского бюро из Зубцовского уезда Тверской губ. в 1899 г. писал: «Детей лет до пяти одевают в простую ситцевую рубашонку или платице. В некоторых, впрочем, домах уже у годовалых ребятишек имеются и штанишки. И сапожки и другая одежда, но это только у богатых. С пяти же лет ребенка начинают одевать, как следует: в штаны, рубаху, а в худую погоду – в сапожках» [4]. Таким образом, на самом деле первыми в жизни мальчика штанами оказывались холщовые домотканые портки, сшитые традиционным образом [5]. Первые штаны были неокрашенные льняные. Такие же по технологии изготовления штаны носили и взрослые мужчины – например, летом на сенокос, или зимой в качестве нижнего белья под штаны.

Одними портками без штанов обычно обходились старики. Их одевали покойнику как погребальную одежду: «Раньше покойнику одевали рубаху, портки, теперь шьют штаны, а портки сами ткали», 1971.

Первой из череды проблем, возникающих со штанами, и самой нетребовательной из претензий к ним, возрастающих с возрастом и статусом носителей, можно считать ту, о которой идет речь в этом рассказе:

Особенно запомнился случай со штанами из мешка [6]. В довоенное время с одеждой было плохо. В магазинах свободно ничего купить было невозможно. Все продавали по спискам да по талонам. Мама, по ее словам, на нас перешла все свое «приданое». А ее «приданое» я до сих пор в памяти связываю с большим деревянным сундуком, обитым полосками жести. Содержимым этого сундука мать очень дорожила, оно ей напоминало девичество и досталось в наследство от бабушки Софьи. В нем хранились самые дорогие для нашего семейства вещи. Однажды стало большой проблемой – из чего нам с братом Сережей сшить штаны. Я был старше брата и стеснялся ходить в бесконечно латанной-перелатанной одежде. Однажды дедушка Петр надоумил маму, когда она пришла в очередной раз проведать и поговорить с ним о наших проблемах. «Вот что, Шура, невелики еще твои **«женихи»** (выделено мной – И.В.). Возьми мешок поплотней, выкраси его краской, сшей штаны, и пусть носят. Бегать да лазить везде – в самый раз», сказал он. Через некоторое время мама вспомнила совет деда, подумала – не держать же ребят дома. Нашла мешок, выкрасила его какой-то красно-коричневой краской, по ее словам, «кубовой». У нас была швейная машинка «Зингер», которая до сих пор сохранилась. Мама любила шить на ней и в свободное время иногда долго вечерами стрекотала машинка, баюкая нас. В такт ей мама напевала свою любимую песню [7].

Рассказ о штанах из мешка скорее всего повествует об одних из первых штанов – когда отсутствие даже домотканого материала было восполнено перекрашенными мешками. Поскольку реальное, а не фигуральное, отсутствие штанов грозило или сидением безвылазно дома, или аутсайдерством «бесштанной/беспорточной команды», старшими и принимается решение о шитье портков из мешка. Для нормальной социализации мальчишкам годятся любые штаны, в том числе и из аномального материала. Антикризисный ход становится поводом для нарративации события с последующим неоднократным, видимо, воспроизведением, превратившим рассказ в устойчивое воспоминание.

Претензии следующего рассказчика к осознаваемому им несоответствию между его статусом – первоклассника – и «однозубных (традиционный Вологодский покрой штанов с вставными клиньями – И.В.) в заплатах» штанов, разрешаются шитьем штанов из маминой юбки.

Было уже 3 сентября 1933 года. С единоличной малой полосы под Косовалом весь урожай ячменя отец сложил и я укладывал снопы умостились на один воз с креслом, отец и говорит, сейгод, Васька за рожью верно на свои полосы не бывать сколько с приусадебного участка не ахти там намолотится, сусека в клетке незавалишь, навстречу, за малиной в нивы после школы попались мои будущие первоклассники нам с отцом. Дядя Степа, а что Васька в школу сейгод не пойдет? – Нет пойду ответил я только мне Настя Марковская еще недошила штанов из маминой черной юбки, а в этих однозубных в заплатах в каштановой краске не пойду. 4 сентября 1933 года, в штанах из маминой юбки в холщевое рубашке кубовой окраски с букварем, на против почти через дорогу от своей избы шагнул за порог в первый класс.

(Музей биографий, Доминичев Василий Степанович)

Приведенные рассказы демонстрируют вроде бы успешность преодоления кризисной ситуации неудовлетворенности своими штанами. Мемуаристы воспроизводят ту гордость, с которой они шагали давно в новых штанах (пусть из маминой юбки). Но по прошествии многих лет, во время написания своих воспоминаний рассказы об этих штанах предъясняются как свидетельства тяжелых времен и их проживания. Из точки осмысления собственной жизни факты шитья штанов из мешка, маминой юбки или шали представляются достойными репрезентации себя как пострадавшей стороны от предельной бедности.

Устойчивость автобиографических рассказов о штанах из мешка объясняется тем, что покупка, а не домотканое изготовление, «жениховской sprawy» было к 20-м годам XX в. нормой для деревенских парней уже около века. «С 40-х гг. XIX в. в русской деревне широко распространился обычай шить парню праздничные штаны из покупной хлопчатобумажной материи, чаще всего из плиса (ткань похожая на бархат) или нанки. Если в середине века плисовые штаны наряду с «китайчатыми» могли позволить себе лишь богатые, а бедные довольствовались холстяными набойчатыми или тяглинными (Курская губ.), то к концу века уже ни один парень не позволил бы себе выйти на гулянье в штанах из холста. Предпочтительным цветом плиса или нанки сначала были синий или черный, а позднее черный или темно-коричневый» [8]. Эти следующие «статусные» штаны отличались от порток покроем (не с клином, а «городским» брючным), цветом (они должны быть темными), качеством ткани (более тонким, портно для портов ткали из грубой льняной пряжи-пачеси). В связи с вышеизложенным нежелание автора шагать через серьезный жизненный порог в первый раз в первый класс «в однозубных в заплатках в каштановой краске» штанах вполне понятно. Достойными статуса парня штанами должны были стать штаны, сшитые из мануфактурной, «торговой» ткани, а в идеале и сами брюки могли бы быть покупные: «Бывал, если с торговой материи это называли брюки, если домотканой это называли портки», 1957. После революции и до послевоенного восстановления хозяйства в деревне невозможно было приобрести мануфактурных штанов или ткани для «жениховской sprawy».

Поэтому для автора следующего рассказа штаны из маминой шали превратились в кошмар социализации. «Эго» воспоминания – молодой человек, закончивший школу и собравшийся поступать в техникум под Ленинградом.

Мне пришел вызов и я собрался ехать. Мать дала денег на билет. Собрала белье, кальсоны из холста (трусов тогда не было у нас в нашей местности). Штаны мать сшила из шали, такие большие головные платки по краям с белыми кромками, покрасила в черный цвет. Материала тогда в продаже не было, да даже где-то и был, то купить было не на что. Страшные налоги были. Мясо 40 кг. надо сдать гос-ву, молоко – 600 кг. надо сдать за мизерную плату несколько копеек за 1 л. Из этого надо накопить и продать мясо за налог. В то время денег у крестьян не было...

Мои крашенные штаны выленили и белые полосы от платка оказались на боках штанов. За эти полосы ребята меня прозвали генералом. Полосы на штанах напоминали лампасы генеральские. Я сильно переживал. Некоторые студенты (у кого родители были зажиточные) выглядели чисто одевшим и в хороших костюмах.

Так кончил 1 курс. На этом хочется остановиться. Вот последние экзамены за первый курс и завтра сбор в техникуме – поведение итогов. За хорошую учебу, под духовой оркестр стал директор выдавать премии. И вот слышу студента Александрова Сергея за отличную

учебу премировать – костюмом. Грянул оркестр, я иду к столу и ног своих не чувствую. Пожатие руки и у меня пакет с костюмом. (Видимо видели все в каких штанах с «лампасами» ходил). Радости моей не было конца, И вот летние каникулы я еду домой, в чемоданчике мой первый в жизни костюм. Чтобы в деревню (вернее хутор) не заходить рано я в кустах просидел до вечера, а потом пошел домой. Сколько было радости, радовалась со мною и моя мать.

(Биография С.В.Александрова)

Л. Барсалу отмечает, что воспоминания о действиях или событиях включают в себя не только конкретные факты, но и общее представление о фактах и событиях, другими словами, общую персональную память. Прежде чем факты будут размещены в памяти и нарративизированы, они должны быть осознаны. Факты располагаются в некоторой ментальной системе, соединяющей знание конкретных событий и общие представления о них. Процесс понимания задает правила кодирования воспоминаний и повествования о них [9].

Следовательно, некие общие ментальные стереотипы обеспечили базу для репрезентации своей жизни мужчинами через истории о «бесштанном детстве», которое соответственно пришлось на середину XX века. На основании прочитанных биографий, можно утверждать, что репрезентативное количество «рассказов о себе» в биографическом дискурсе XX века касаются темы преодоления критических ситуаций жизнеобеспечения (недостатка необходимого минимума одежды, еды, жилья). «Выживание-смерть – вот главная дилемма послереволюционной эпохи. Это – важнейший параметр рассмотрения прочих социальных процессов. Практически все принадлежащие к поколениям, о которых здесь идет речь, имели опыт голода, опыт незабываемый, запечатленный в теле» [10]. Преодоление или переживание этих критических ситуаций люди часто предьявляют в качестве самоидентификации. Социологи, анализируя структуру автобиографических воспоминаний, отмечают, что кроме хронологической структуры, каждая группа событий иерархически организована по линиям или кластерам значимости – таким, как причинно-следственные отношения, цели, социально обусловленные роли (работа, школа, семья, взаимоотношения с соседями) [11]. Таким образом, истории о первых штанах являются стереотипной репрезентацией критического опыта скудости для нескольких поколений мужчин довоенных, военных и послевоенных лет.

Если женщины (матери, сестры) были и остаются распорядительницами семейного гардероба, они – активные действующие лица тряпичных преобразований. Мужчины, парни, оказываясь пассивной стороной (теми, которых одевают, для которых шьют одежду), не воспринимают «штаны из мешка» как позитивный опыт, наоборот, предьявляют его в рассказах как опыт критический – бедности, нищеты, неуспеха, а дальнейший биографический текст строится как преодоление этого опыта.

Автобиографические документы и этнографические данные о мужской деревенской одежде XX века свидетельствуют, что мальчик-подросток-парень по мере взросления предьявлял различные требования к своей поясной одежде. Поразительно то, что кризисы социализации нарративизируются мужчинами-мемуаристами через проблемы с поясной одеждой. Отсутствие или угасание ритуальных форм, призванных маркировать зоны перехода, видимо вызвало устойчивую стереотипию в рассказах о «бесштанном» детстве, причем для рассказа неважна степень «бесштанности». Переживанию по поводу неполноценности или отсутствия штанов становятся «недостачей», которую требуется ликвидировать в ходе этого жизненного сюжета. Устойчивость атрибута недостаки может быть объяснена тем, что эта поясная одежда призвана с одной стороны, скрывать, с другой

«культурно оформлять» первичные мужские половые признаки. Кроме того, недостача именно этого атрибута входит в более крупный кластер значимости воспоминаний – кластер «скудости» и ее преодоления, который востребован для самоидентификации мемуаристов.

Продуктивность нарративной формы о недостачи статусной одежды, и, прежде всего штанов, подтверждается наличием в городской среде переживаний по поводу фирменности/нефирменности джинсов. Р.М. Кирсанова указывает на брендовую престижность, статусность джинсов, что читается в молодежном сообществе как знак «своего – чужого» и «правильной – неправильной» одежды [12].

? В СССР был бытовым культ заграничных шмоток. Помните свою первую импортную вещь?

Аксенов: Сначала было то, что стало знаковым предметом целого поколения: blue jeans. Меня даже в свое время называли ведущим автором литературы в джинсах. Смешно, что первые джинсы у меня появились, когда мне было десять лет. Это были штаны из американских подарков: моя сестра работала во время войны в каком-то комитете по распределению помощи. Носить их я стеснялся: ни у кого таких не было.

? В вашем рассказе «Завтраки сорок третьего года» написано, как вы ими гордились, несмотря на заплатки.

Аксенов: Вообще штаны – это большая тема моих работ. (PLAYBOY. 2002. июль, 116)

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Статья опубликована в: АБ-60. Сб.ст. к 60-летию А.К. Байбурина. СПб, 2007. С. 318 – 324.
2. Хранится в межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б.А. Ларина филологического ф-та СПбГУ.
3. Проект АНО «Пропповский центр: гуманитарные исследования в области традиционной культуры» был поддержан грантом программы «Культура» Института «Открытое общество».
4. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. СПб, 2004.
5. Традиционный крой штанов состоял из двух штанин (колош) прямоугольной формы (ширина штанины определялась шириной полотна, поэтому штаны были узкими) и разной конфигурации клина, который обеспечивал ширину шага, свободу движений. На поясе штаны удерживались гашником.
6. Автору-герою к моменту случая со штанами, видимо, лет семь-восемь – во всяком случае, осенью он собирался идти в первый класс.
7. Коновалов В. Точка отсчета. Невыдуманные истории // Волна. Газета Вашкинского р-на Вологодской обл. 2000. № 18–20
8. Холодная В.Г. Символика и атрибутика праздничного костюма парня // Мужской сборник. Вып. 1: Мужчина в традиционной культуре. М., 2001. С.131.
9. Barsalou L.W. The content and organization of autobiographical memories // Remembering reconsidered: Ecological and traditional approaches to the study of memory / Ed. by U. Neisser, E. Winograd. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

10. Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи. М., 1996. С.106.
11. Садмен С., Брэдберн Н., Шварц Н. АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ. Jossey-Bass Publication, 1996. Перевод фрагмента книги "Как люди отвечают на вопросы: применение когнитивного анализа в массовых обследованиях" выполнен Д.М. Рогозиным и М.В. Рассохиной.
12. Кирсанова Р. М. Костюм в русской художественной культуре 18- первой половине 20 вв. М., 1995. С.88-89.